

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А.,
Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Omelchenko D.A.,

**МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В
ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ¹**
**INTERRELIGIOUS AND INTERNATIONAL RELATIONS IN THE BORDER REGION
OF RUSSIA: INSTITUTIONAL CONDITIONS AND INTERCULTURAL DIALOGUE**

Аннотация. В материале представлен анализ межрелигиозных и межнациональных отношений в динамике за период с 2015 по 2022 гг., на основе ежегодного социологического мониторинга оценки мнений не менее чем 1200 жителей Алтайского края и экспертов – руководителей общественных этнических объединений. В Алтайском крае, несмотря на наличие отдельных негативных проявлений, ежегодно фиксируются стабильно высокие позитивные оценки отношений между жителями как разной национальности, так и вероисповедания. Результаты проводимых исследований свидетельствуют о том, что восприятие этой сферы не связано с объективно существующими процессами и событиями, а в значительной степени продиктовано мнениями, представлениями и установками населения, на которые влияют структурные, мировоззренческие и социально-психологические факторы. Управление в сфере национальной политики отличается тем, что его эффект имеет отложенный характер, процессы в данной области инерционны, но при этом имеют высокий потенциал спонтанной активизации.

Abstract. The article presents the analysis of interreligious and interethnic relations and their changes during the period from 2015 to 2022, based on the annual sociological monitoring of public opinion among at least 1200 residents of the Altai Krai and among experts – leaders of public ethnic associations. In the Altai Krai, despite the presence of certain negative manifestations, consistently high positive assessments of relations between residents of different ethnicities and religions are recorded every year. The results of research indicate that perception in this sphere is not related with objectively existing processes and events, but is largely dictated by the opinions, perceptions and attitudes of the population, which are influenced by structural, attitudinal and socio-psychological factors. Administration in the sphere of national policy is distinguished by deferred effects, the processes in this area are inertial, but at the same time have a high potential for spontaneous activation.

Ключевые слова: межрелигиозные отношения, межнациональные отношения, приграничный регион, институциональные условия

Keywords: interreligious relations, interethnic relations, border region, institutional conditions

Алтайский край исторически сформирован как многонациональный и полиэтничный регион, объединяющий в себе более 140 народностей и около 20 религиозных направлений, поэтому развитие межнациональных и межконфессиональных отношений всегда привлекало и привлекает внимание как исследователей, так и практиков. В настоящее время тема межнациональных и межэтнических отношений в Алтайском крае, реализации государственной национальной политики на уровне региона активно изучается научным сообществом [6, 10].

Вместе с тем новые исторические и социальные условия ставят перед экспертным и научным сообществом и новые задачи. Как пишут В.Ю. Зорин и М.С. Каменских, сейчас

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.)

«ощущается острая потребность в обобщении позитивных практик, разработке и внедрении новых механизмов реализации Стратегии², нацеленных на решение двуединой задачи формирования российской гражданской нации и сохранения этнокультурного многообразия народов России. <...> Очевидно, что на это и должны быть направлены усилия учёных, а обобщённые рекомендации могут стать основой для дальнейшей более углублённой разработки данной темы» [5]. Гармонизация и развитие межнациональных отношений, профилактика межэтнических и межконфессиональных конфликтов – это одно из важнейших направлений деятельности органов власти и местного самоуправления в любом полиэтничном регионе. Однако решение этих задач невозможно без учета мнения самого населения, поэтому органам власти необходимо активно взаимодействовать с представителями национально-культурных общественных объединений, которые могут и должны стать инструментом реализации национальной политики государства.

Как отмечал генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майора: «Жизнь в условиях многообразия является одним из источников серьезных проблем для обществ, в которых подрастают наши дети. В мире, где взаимопроникновение различных культур принимает все большие масштабы, обучение ценностям и навыкам «жизни общества» стало первоочередной задачей воспитания. Потому я обращаюсь к главам государств и правительств мира, министрам и чиновникам, ответственным за образование на всех уровнях, к мэрам больших и малых городов, деревень и поселков, ко всем учителям, религиозным сообществам, журналистам и родителям: воспитывайте и учите наших детей и молодежь быть открытыми, относиться с пониманием к другим народам, к их истории и культуре, учите и основам человеческого общежития, учите тому, насколько важно отказываться от насилия и искать мирные пути разрешения споров и конфликтов». Именно память и знание истории и культуры своего народа, ощущение сопричастности к истории государства, его лидерам, духовным, материальным и культурным достижениям служат источниками гордости принадлежностью к нации и государству, которое ее олицетворяет.

Многонациональность (многонародность) населения России – это реальность не только прошлого, но и настоящего. Это живой процесс, подверженный трансформациям, включающий в себя взаимопроникновение и взаимовлияние культур. Причем этот процесс не всегда происходит бесконфликтно, а балансирует на стыке столкновения культур. Вместе с тем, интеграционные тенденции в поликультурном, социально дифференцированном обществе являются важным показателем его социального благополучия и эффективности развития.

Отметим, что на территории Алтайского края проживают представители более чем 140 народов и народностей, многие из них – выходцы из разных регионов России, стран СНГ. Несмотря на то, что Алтайский край не входит в число субъектов с наибольшей долей въехавших иностранных граждан, структура миграционных потоков, определяет характеристики ситуации в сфере межнациональных отношений.

Отсюда на сегодняшний день чрезвычайно актуальным является выявление особенностей взаимодействия различных национальных групп с местным населением.

С 2015 года на территории Алтайского края организован ежегодный социологический мониторинг, результаты которого позволяют не только охарактеризовать состояние межнациональных отношений, но и дать обоснованные прогнозы их развития на основе ежегодной оценки мнений не менее чем 1200 жителей Алтайского края и экспертов – руководителей общественных этнических объединений. В целом, в Алтайском крае, несмотря на наличие отдельных негативных проявлений, ежегодно (2015–2022 гг.) фиксируются стабильно высокие позитивные оценки отношений между жителями как разной национальности, так и вероисповедания. К сожалению,

² Имеется в виду Стратегия государственной национальной политики.

результаты проводимых исследований свидетельствуют о том, что восприятие этой сферы не связано с объективно существующими процессами и событиями, а в значительной степени продиктовано мнениями, представлениями и установками населения, на которые влияют структурные, мировоззренческие и социально-психологические факторы. Управление в сфере национальной политики вообще отличается во многом тем, что его эффект имеет отложенный характер, процессы в данной области инерционны, но при этом имеют высокий потенциал спонтанной активизации.

Многообразие национального состава населения Алтайского края, многовековой опыт межкультурного взаимодействия, традиции учета культурного потенциала и интересов всех проживающих на его территории народов, высокий уровень самосознания этнических общностей составляют интеграционный ресурс края, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений.

Проведенный в 2022 году анализ межнациональных отношений показал, что по оценкам населения, они имеют отчетливо положительный характер. Не менее половины опрошенных жителей региона отмечали высокую распространенность взаимопомощи граждан друг другу вне зависимости от их национальной принадлежности (50% оценок выше 7 баллов и 33% оценок в диапазоне 5-6 баллов), почти половина (40-46% высоких оценок) – были уверены, что отношения между национальностями в Алтайском крае складываются на основе дружбы и уважения в обычаях, традициями и языку друг друга, 37% - указывали на уважительное отношение к представителям другой национальности. Между тем, традиционно низкие оценки были получены по показателям справедливости распределения должностей и различных благ для любых национальностей и осуждения проявлений национализма: только около пятой части респондентов (21-23%) дали по ним высокие оценки, тогда как более 40% отметили их слабую выраженность (рисунок 1). Таким образом, даже если в целом межнациональные отношения в регионе оценивались как благоприятные, они все же не были лишены своих недостатков. Неравенство доступа к ресурсам и попустительское отношение к лицам, подрывающим основы мирного взаимодействия между национальностями, являются значимыми уязвимыми местами в отношении населения, заслуживающими внимание со стороны субъектов национальной политики.

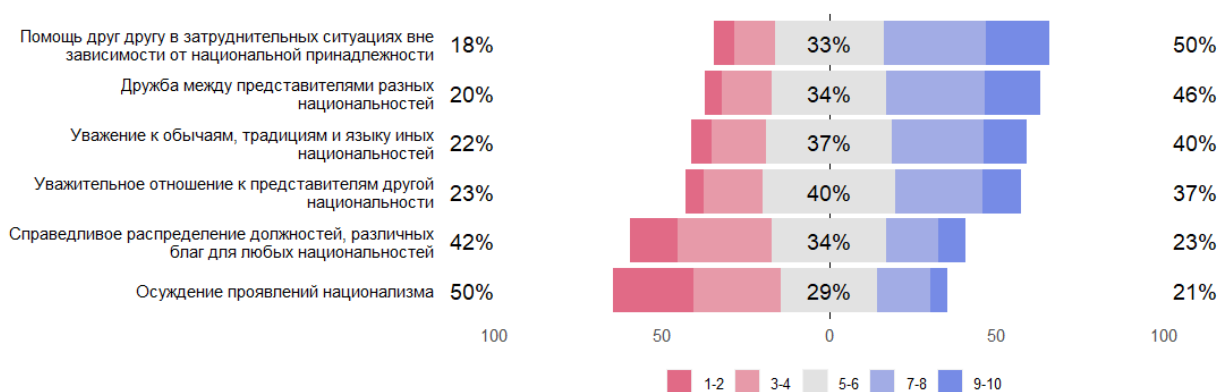

Рисунок 1 – Суммарные оценки выраженности положительных проявлений межнациональных отношений в Алтайском крае в 2022 году, %.

Несмотря на то, что большинство населения давало высокие и средние оценки, нельзя сказать, что общественное мнение было полностью единодушным. К примеру, женщины чаще давали более высокие оценки (выше семи баллов) выраженности дружбы между представителями различных национальностей (51,7% в группе мужчин 46,0%) и в

среднем более высоко оценивали уровень уважения, проявляемого другим национальностям (среднее значение 6,1 балла, в группе мужчин 5,8 балла³).

Нужно отметить, что именно показатель дружбы между представителями разных национальностей стал своеобразным камнем преткновения между жителями Алтайского края, принадлежащим в различным социальным группам и категориям. Так, довольно существенными были различия в возрастных группах населения. Если среди 30-49 летних респондентов высокую оценку «дружбе народов» давали 49,1%, то среди молодежи до 29 лет – гораздо меньше (45,4%), а среди представителей старшего поколения и вовсе – 38,5%. Кроме гендерных и возрастных, значимыми являлись и поселенческие различия, а также различия по уровню дохода респондентов и образованию: проявления дружбы значимо чаще высоко оценивались в городе (48,6%, в селе – 39,4%), и в группах лиц, имеющих высокие доходы (59%, в группе респондентов со средними доходами 42,1%, с низкими – 36,0%) (рисунок 2).

Возрастные различия отчасти определили и дифференциацию оценок выраженности дружбы между представителями различных национальностей в статусных группах: меньше всего высоких оценок (36,6%) было выявлено в группе неработающих пенсионеров, тогда как среди наемных работников и руководителей доля таких оценок составила 48-50%, среди неработающих граждан – 40%. О более высоких проявлениях дружбы между представителями других национальностей также достоверно чаще говорили более образованные граждане (средний балл 6,36 среди лиц с высшим образованием), чем лица с менее высокими образовательными уровнями (6,08 балла).

Экономический фактор определял не только оценки выраженности дружбы, но и других позитивных характеристик межнациональных отношений, таких как уважение к представителям других культур, их языку и обычаям и помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности. Во всех случаях максимальные высокие оценки были даны в группах респондентов, обладающих более высоким уровнем благосостояния (50,6%, 58,4% и 46,1%), разрыв с группами с меньшими доходами достигал более 10 пп. При этом, в отношении взаимопомощи большую солидарность проявили группы граждан, считающие себя либо бедными (51,1%), либо, напротив, богатыми (58,4%), контрастировавшие с представителями «среднего класса», оценившего уровень взаимопомощи между жителями региона вне зависимости от их национальной принадлежности как менее высокий (45,7%). Что касается осуждения национализма, то здесь обеспеченные граждане, напротив, реже давали высокие оценки (15,4%), в особенности по сравнению с гражданами с средними доходами, считавшими борьбу с национализмом гораздо более эффективной (22,7% высоких оценок (рисунок 3).

Наличие проблем с распределением ресурсов, неравномерность восходящей мобильности в различных национальных группах значимо чаще отмечалось в группе респондентов с высшим образованием (20,4% высоких и 79,6% средних и низких оценок по показателю справедливости) по сравнению с лицами с меньшим уровнем образования (25,0% высоких и 75% средних и низких оценок), тогда как распространенность взаимопомощи вне зависимости от национальной принадлежности оценивались более высоко неверующими респондентами (55,0%), тогда как среди верующих объем такой помощи считался скорее недостаточным (48,0% высоких оценок). Выявленные различия свидетельствовали не только об особенностях восприятия межнациональных отношений, обусловленных социально-психологическими факторами, такими как пол или возраст, но и указывали на внутрирегиональную неоднородность распределения указанных характеристик в различных зонах социального пространства, дифференцируемых по уровню социально-экономического благополучия, жизненного уклада и ценностей.

³ Здесь и далее при сравнении двух групп описаны только значимые различия в пропорциях или средних значениях: $p < 0,05$, χ^2 , $p < 0,05$, t-критерий Стьюдента.

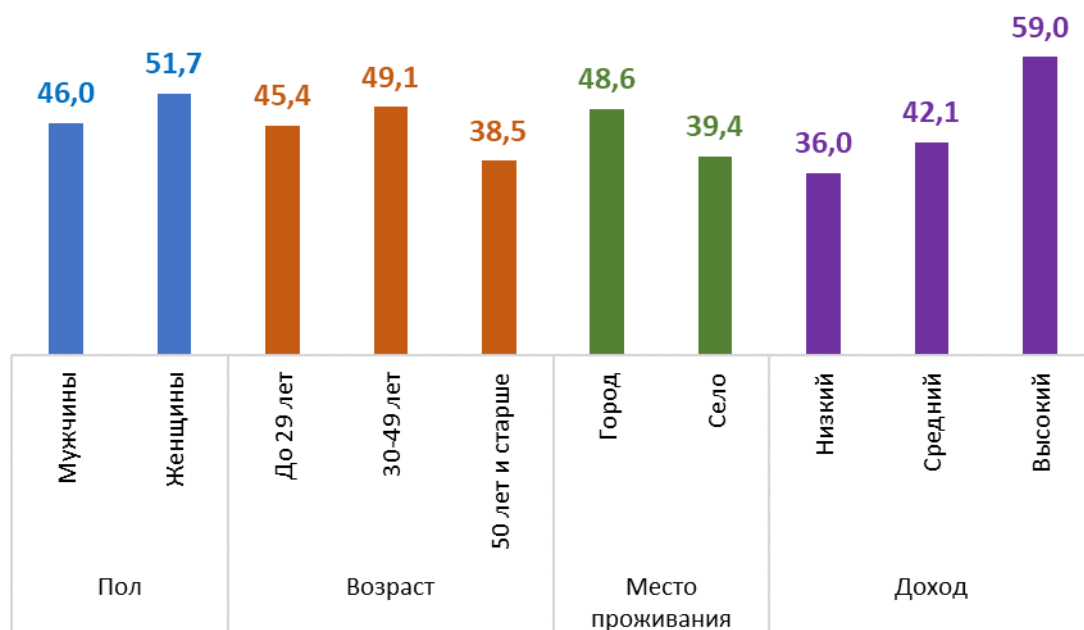

Рисунок 2 – Различия между долями высоких оценок респондентов в зависимости от пола, возраста, места проживания и уровня доходов, %.

Рисунок 3 – Различия между долями высоких оценок респондентов по показателям уважения к представителям другой национальности, их обычаям, традициям и языку и взаимопомощи разных национальностей, осуждения проявлений национализма в зависимости от уровня доходов, %.

Сравнение показателей оценки выраженности положительных тенденций в межнациональных отношениях в Алтайском крае за пять лет (2015-2020 гг.) показало наличие общих трендов, заключающихся в снижении оценок населения в период с 2015 по 2017 годы и их устойчивый рост в 2018, и особенно в 2019 и 2020 годах. Эти тенденции отчетливо видны как по увеличению доли высоких оценок, так и по динамике среднего балла, учитывающего не только высокие, но и низкие оценки.

Так, к примеру, в 2019 году произошел существенный скачок в количестве высоких оценок по показателю дружбы между национальностями (42,7%, +6,2% к предыдущему году) после четырех лет стабильных оценок в диапазоне 36,5-38,5%. В 2020 году рост продолжился, и доля высоких отметок (45,5%) стала максимальной за весь пятилетний

период. Похожую картину можно наблюдать и в отношении показателя взаимопомощи в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности: снижение среднего балла до 6,0 пп. в 2017 году, произошедшего из-за увеличения низких оценок (высокие оценки, как можно увидеть на графике, практически не изменились), сменилось его поступательным ростом, сопровождающимся увеличением количества граждан, высоко оценивающих выраженность данного проявления. Максимальный прирост высоких оценок наблюдался в 2019 году (+6,6%), в 2020 рост сократился, но все-равно привел к весьма внушительным результатам практически в 50% опрошенных с высокими оценками. Что касается проявления уважения к обычаям, традициям и языку иных национальностей, то по данному показателю оценки респондентов изменялись по несколько другой траектории. В 2016 году был значительный всплеск (с 29,8% до 38,3% высоких оценок, прирост составил 8,5%), затем в 2017 году произошло небольшое снижение до 34,6% высоких оценок. После 2017 года наблюдается рост, в 2020 году составивший 40% граждан, дающих высокую оценку по данному показателю (рисунок 4).

Оценки населения относительно выраженности уважительного отношения к представителям другой национальности в значительной степени коррелировали с оценками уважения к их языку, обычаям и культуре: коэффициент корреляции между этими двумя характеристиками составил $r = 0,55$ в 2015 году, $r = 0,61$ в 2016 году, $r = 0,57$ в 2017, $r = 0,54$ в 2018, $r = 0,48$ в 2019 и $r = 0,55$ в 2020 году (все корреляции значимы на 1% уровне). Различия в средних значениях в разные годы не превышали порога в 0,1-0,2 балла, что также свидетельствовало о сходстве их восприятия и оценивания респондентами, считающими, что уважать человека, значит уважать и ту культуру, к которой он принадлежит, ее ключевые элементы, ценности и символы.

Рисунок 4 – Динамика высоких оценок и среднего балла по показателям положительных тенденций в межнациональных отношениях в Алтайском крае, 2016-2020 гг. (часть 1).

В отношении показателя справедливости распределения должностей и различных благ для любых национальностей наблюдалось значительное колебание оценок даже в достаточно краткосрочном пятилетнем периоде. Максимальные доли высоких оценок (28,6% и 29,8%) были отмечены в 2016 и 2019 годах, минимальные – в 2017 и 2020 годах (21,6% и 23,1%). Причины такого разброса оценок не ясны и вряд ли могут быть выяснены с достоверной точностью, однако можно предположить, что экономические факторы сыграли в их детерминации если не доминирующую, то весьма существенную роль. Если посмотреть как за этот период (чуть меньший, так как за 2020 год итоги еще не подведены), изменялись показатели доходов населения, в частности уровень бедности (по данным о количестве жителей, имеющих доходы ниже регионального прожиточного минимума), и как эти доходы соотносились с возможностями жителей региона

обеспечивать себя необходимыми товарами (что можно оценить по соотношению медианного дохода к фиксированной стоимости товаров и услуг), то можно увидеть довольно четкую параллельную зависимость между возрастанием или убыванием доли бедного населения и оценками справедливости, полученными в ходе наших социологических опросов (рисунок 6). Постоянное сокращение покупательной способности населения (доходы растут медленно, непропорционально увеличивающейся стоимости потребительской корзины) выступало дополнительным негативным фоном и проецировалось на оценки состояния межэтнических отношений.

Что касается оценок активности населения в осуждении национализма, признания его негативного влияния на характер межэтнических отношений, то характер их распределений в динамике показывает наличие двух основных периодов. Первый период, с 2015 по 2017 годы, характеризовался ежегодным незначительным увеличением количества граждан, высоко оценивающих уровень борьбы с национализмом в Алтайском крае. Во второй период, с 2018 года, началась тенденция к сокращению оценок до уровня 20,9%, после незначительного повышения в 2019 году. Такое отмечаемое жителями региона снижение бдительности по отношению к проявлениям национализма, по нашему мнению, не вполне оправдано и преждевременно, учитывая, что за последние годы (по крайней мере с 2018 года) в регионе значительно увеличилось количество лиц, испытывающих раздражение и неприязнь к представителям других наций и народов. При этом для оправдания своих негативных эмоций часто используются шовинистические лозунги, оправдывающие этническую неприязнь несоблюдением представителями недоминирующих этнических групп обычаев нашей страны (свыше 40%, в 2019 году – 45,7% среди ответивших на вопрос респондентов), низкой культурой поведения (свыше 30%, в 2019 году – 34,4%), враждебным отношением к русским (свыше 25%, в 2019 году – 38,2%), вовлеченностью представителей других национальностей в преступную деятельность (свыше 20%, в 2019 году – 30%) и другими причинами. И хотя следует признать, что оценки выраженности националистических взглядов в целом корреспондируют с оценками населения в отношении борьбы с ними, все вкуче свидетельствует о том, что уровень общественного контроля за данным негативным явлением занижен и не соответствует актуальному состоянию его проявлений (рисунок 5).

Рисунок 5 – Динамика высоких оценок и среднего балла по показателям положительных тенденций в межнациональных отношениях в Алтайском крае, 2016-2020 гг. (часть 2).

Рисунок 6 – Динамика показателей доходов населения Алтайского края (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг), 2015-2019. *Источник: данные Росстата, рассчитано и визуализировано авторами.*

Антиподом гармоничных межэтнических отношений выступает межэтническая напряженность, проявления которой имеют большое разнообразие, от латентных, тщательно завуалированных форм дискриминации до межнациональной розни и вражды, в крайних случаях достигающих уровня военного противостояния, сопровождающегося многочисленными человеческими жертвами.

Социальная напряженность в целом, не только в межнациональной сфере, является неотъемлемым атрибутом общества, важной характеристикой общественного сознания и поведения. Идеального общества не существует, и пока остаются непреодоленными проблемы социального неравенства, несправедливости, социальной дифференциации, находящиеся в более ущемленном, уязвимом положении группы всегда будут иметь претензии к тем, кто находится в привилегированном положении. Присутствуя во всех современных полиэтнических обществах, межэтническая напряженность представляет собой такую характеристику межэтнических отношений, при которых национально-этнические группы или их отдельные представители находятся в отношениях некоторой оппозиции, соперничества или конкуренции [4]. Как и социальная напряженность, ее межэтническая разновидность формируется под влиянием множества факторов, среди которых не последнюю роль играют политические и экономические, стимулирующие борьбу этносов за различные ресурсы и доминирование в той или иной социокультурной среде. Взаимодействия такого рода предполагают актуализацию в групповом, этническом сознании враждебных или даже конфликтных установок и стереотипов в отношении иных этнических групп, проявляющихся в виде этнизации сознания, ярко выраженной болезненной этнической идентичности и этноцентризма, констатации наличия угроз существования этноса, готовности к мобилизации для восстановления справедливости всеми средствами, включая самые радикальные [8].

Широкий взгляд на природу межэтнической напряженности предполагает ее понимание в качестве «нарушенного баланса взаимоотношений во всех сферах многонационального сообщества, в результате которого происходит раскол массового сознания на множество этнических идентичностей и межэтнические отношения переструктурируются согласно новым социальным условиям» [10]. Межэтническая напряженность возникает не только в результате комбинации объективных факторов и особенностей этноконтактирования, определяющих потенциал межэтнической напряженности, таких как доступ к власти, неравномерность распределения ресурсов, но и как результат отражения в сознании членов этнических групп общественных отношений и

межэтнических взаимодействий, негативного восприятия и отношения к членам других этнических групп, идентифицируемых в качестве виновных в бедах этноса, разделяемых достаточно большим количеством людей. Иными словами, межэтническая напряженность имеет не только качественные, но и выраженные количественные характеристики, достигая своего апогея в том случае, когда аргументы и мнения сторонников этнических разногласий начинает разделять большинство.

Ученые сходятся во мнении, что оценка уровня межнациональной напряженности требует комплексных методических решений, не ограничивающихся описанием идентификационных процессов или основывающихся на простых, односоставных показателях, что обуславливается ее многоаспектным характером. Зарубежные исследования по данной проблематике часто ориентируются на подход, позволяющий оценить уровень разобщенности общества по различным основаниям, которые могут лежать в основе межэтнических конфликтов – этническому, конфессиональному или лингвистическому признаку. Для этой цели используются разнообразные индексы – этнолингвистической фрагментированности, этнического разнообразия, этнической поляризованности, мозаичности и т.д. Расчет таких индексов как правило производится на основе статистических данных о количестве таких групп и их численности, обновляемых крайне медленно, что делает их слабо привязанными к актуальной ситуации. Такой подход делает также невозможным выделение детерминант этнонациональной напряженности, провести прикладной анализ тех социально-демографических групп, в которых она концентрируется. Мы солидарны с этой критикой и также разделяем мнение о том, что более эффективная методика межэтнической напряженности должна позволять выявлять среди населения распространенность ксенофобии, националистических установок и опасных поведенческих паттернов [7].

Инструментарий социологического мониторинга в Алтайском крае включал семь основных показателей, характеризующих различные формы проявления межэтнической напряженности – вербальные, психологические и физические, реализуемых на различных уровнях – индивидуальном, межгрупповом и социальном. Эти показатели описывали основные компоненты негативных установок: *когнитивные*, проявляющиеся в виде определенных представлений, стереотипов и предрассудков, *эмоционально-оценочные*, характеризующие отношение к межэтническим взаимодействиям и *поведенческие*, реализуемые в конкретных действиях представителей этносов в отношении друг друга.

Согласно результатам мониторинга, полученным в 2022 году, жители Алтайского края в большинстве случаев давали низкие оценки распространенности всех негативных явлений, что свидетельствовало в целом о мирном характере межнациональных отношений. Самыми частыми проявлениями межэтнической напряженности, судя по количеству высоких оценок, являлись – предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений (17%), недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности (15%), соперничество за лидерство между представителями разных национальностей (12%).

Особую важность в диагностике межэтнических конфликтов и напряженности имели два показателя, оценивающих наиболее опасные для общества поведенческие проявления: психологическое давление, оказываемое на представителей других национальностей, в том числе осуществляемое посредством оскорблений и угроз, и физические действия противоправного характера, имеющие этническую мотивацию. По первому показателю доля высоких оценок в 2022 году составила 11% (66% низких оценок и 23% - оценок среднего диапазона), по второму – 10% (69% низких оценок и 21% средних).

Примечательно, что реже всего встречаемыми явлениями среди проявлений межэтнической напряженности, по мнению опрошенных, являлись осуждение межнациональных браков (9% высоких, 22% средних и 69% низких оценок) и недружелюбные высказывания о людях иной веры (8% высоких оценок, 22% средних и

71% низких) (рисунок 7). Таким образом, несмотря на распространенность когнитивных искажений и неполноценных знаний о представителях различных этнических культур, достаточно высокой конкуренции между национальностями, в повседневной сфере между национальностями осуществлялись тесные контакты, создание межэтнических семей если не поощрялось, то и не находилось под запретом, не приводило к каким-то серьезным санкциям. Одновременно с этим, несмотря на тесную взаимосвязь между этнического и религиозного компонентов межэтнических отношениях, население Алтайского края проявляло значительно большую веротерпимость, чем этническую толерантность. Вопросы веры, проявления религиозности представителями разных национальностей не являлись значимыми основаниями для межэтнических разногласий.

В отличие от оценок выраженности толерантного, уважительного отношения к другим национальностям, которые оценивались жителями региона достаточно согласованно, в отношении негативных проявлений было выявлено значительное количество различий по социально-демографическим, экономическим, культурным основаниям в актуальном разрезе и в пятилетней динамике.

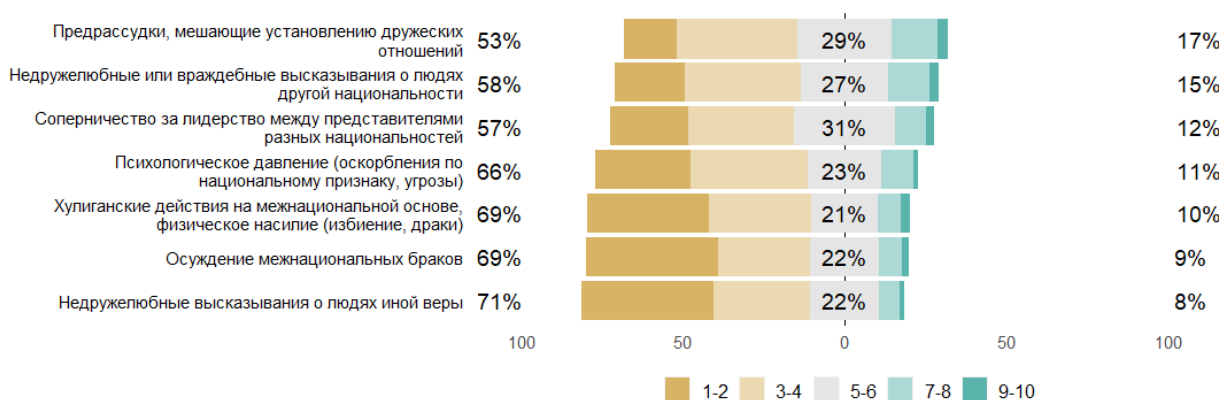

Рисунок 7 – Негативные проявления в межнациональных отношениях в Алтайском крае в 2022 году, %.

В частности, гендерные различия проявились в более высокой оценке распространенности неэтичных высказываний о людях иной веры среди мужчин (среднее значение 3,5 балла, 36,8% оценок диапазона 1-2 балла), чем в группе женщин (среднее значение 3,3 балла, 44,6% низких оценок того же диапазона). Однако, в силу гендерных диспропорций в возрастной структуре населения (среди молодежи до 30 лет нашей выборке было опрошено значимо больше мужчин – 35,7%, чем женщин – 28,7%, тогда как в возрастной группе старше 50 лет, напротив, было опрошено больше женщин – 34,0%, чем мужчин – 28,4%, что согласовывалось с реальным половозрастным составом населения), гендерные различия вероятнее всего обуславливались поколенческими сдвигами в оценках, чем собственно различиями в восприятии ситуации представителями разного пола.

Существенные различия по возрасту наблюдались по четырем показателям из семи – описывающим распространенность предубеждений, недружелюбных или враждебных высказываний о представителях другой национальности, психологического давления и недружелюбных высказываниях о людях иной веры. Как правило более высокие оценки давала молодежь, наиболее чувствительная к проявлениям интолерантности, что уже неоднократно фиксировали наши исследования. Именно в молодежной среде в наибольшей степени наблюдается интенсификация межкультурных коммуникаций, что связано с многократно усилившейся интернализацией образования, открытостью регионального рынка труда для иностранных мигрантов, незащищенностью информационного пространства от языка ксенофобии и вражды, противоречивой и трудной для проверки достоверности информации. Не случайно именно молодое поколение в два раза выше оценивает вероятность возникновения конфликтов на

национальной почве (10% против 5,1% в других возрастных группах), хотя и оценивает межнациональные отношения в целом наравне с другими группами как доброжелательные, способствующие межнациональному согласию или по крайней мере нормальные.

Только по показателю распространенности негативных высказываний о людях другой веры значительно более высокие оценки были даны представителями старшего поколения (старше 50 лет), давшими 9,8% высоких оценок по сравнению с 5,0% в группе респондентов среднего возраста (в группе молодежи доля составила 8,4%) (рисунок 8). Вероятно, большая чувствительность к религиозной нетерпимости у старшего поколения была связана с большей религиозностью респондентов данной группы. Среди старших поколений не только чаще встречались верующие (75,7%, в группе молодежи – 49,7%), но и значительно больше тех, кто определяет себя к представителям конкретной религии (чаще всего православию) и имел более выраженную религиозную идентичность (ощущает близость с другими верующими) (79,3%, в группе молодежи – 67,1%). Между тем, только одной религиозностью вряд ли можно было объяснить различия между старшим и средним поколением. Однако, почему при сходных показателях религиозной принадлежности и сходства вероисповеданий, респонденты среднего возраста значительно реже обращали внимание на призывы, дискриминирующие представителей других религий? На этот вопрос нам пока ответа найти не удалось. Учитывая, что в предыдущие годы такой зависимости найдено не было, требуются дополнительные данные, чтобы понять, насколько эта тенденция является устойчивой.

Рисунок 8 – Различия в оценках выраженности некоторых негативных характеристик межнациональных отношений в группах респондентов разного возраста в 2022 году, %.

Наше исследование показало, что на городских этнокультурных сценах конфликты происходили чаще, чем в сельских, и именно в городе они принимали формы хулиганских действий, физического насилия, драк и нападений. Это стало возможным выявить только при анализе суммарных низких оценок, так как высокие оценки были примерно одинаковыми в обеих типах местности и поселений. Жители села значительно чаще давали минимальные оценки в 1-2 балла (42,7%) по сравнению с горожанами (35,6%), усредненные значения также отличались статистически достоверно (3,6 балла среди жителей города, 3,3 балла среди селян).

Не меньшую роль, чем при оценке позитивных проявлений, играл экономический фактор. Взаимосвязь была обратной для оценок выраженности психологического давления, оскорблений и угроз, так как максимальные доли высоких оценок были

выявлены в группе респондентов, имеющих низкие доходы и считающих себя бедными (18,7%), тогда как в группе со средними доходами высокую оценку выраженности дали только 11,5%, в группе материально обеспеченных респондентов – 7,3%. По сути противопоставление наблюдалось только между группой респондентов с низкими доходами, в которой средний балл по данной шкале составил 4,4 балла, и респондентами, имеющими меньшее количество финансовых проблем (средние значения в данных группах не имели статистически значимых различий и составили в группе со средними доходами 3,5 балла и в группе с высокими доходами 3,8 балла). Похожие тенденции были выявлены и в отношении выраженности хулиганских действий и осуждения межнациональных браков. Во всех случаях высокие оценки бедных жителей региона были значимо выше высоких оценок и средних баллов представителей среднего класса и граждан, высоко оценивающих свое благосостояние, что указывало на то, что очаги межэтнической напряженности имеют большую тенденцию возникать там, где есть ярко выраженная фрустрация базовых потребностей, социальное и экономическое неблагополучие. Борьба за выживание в сложных экономических условиях усиливает существующие противоречия между национальностями (рисунок 9).

Рисунок 9 – Различия в долях высоких оценок по показателям психологического давления, хулиганских действий и осуждения межнациональных браков в группах респондентов с разными доходами, %.

Указанный тезис подтвердился и в ходе анализа ответов респондентов в различных социально-профессиональных группах. В частности, в группах неработающих респондентов трудоспособного возраста были выявлены значимо более высокие оценки распространенности предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений между национальностями (среднее значение 5,02 балла, в группах руководителей, наемных работников, неработающих пенсионеров – 4,15-4,40⁴), недружелюбных или враждебных высказываний о людях другой национальности (ср. знач = 4,81, в других группах 4,03-4,21) или веры (значимые различия между неработающими респондентами, в группе которых среднее значение составило 3,69 балла и руководящими работниками, давшими средние оценки в 3,07 балла), психологического давления (ср. знач = 4,23, в других группах 3,41-3,66), хулиганских действий на межнациональной почве (ср. знач = 3,92, в других группах 3,31-3,62), осуждения межнациональных браков (ср. знач = 3,6,

⁴ Значимость различий в средних значениях в случае наличия более двух групп проверялась на основе дисперсионного анализа и апостериорных попарных сравнений. В тексте описаны только различия значимые по меньшей мере на 5% уровне.

значимые различия между ответами руководителей – 3,1 балла и неработающими, как трудоспособного, так и нетрудоспособного возраста – 3,5-3,6 балла) (рисунок 10).

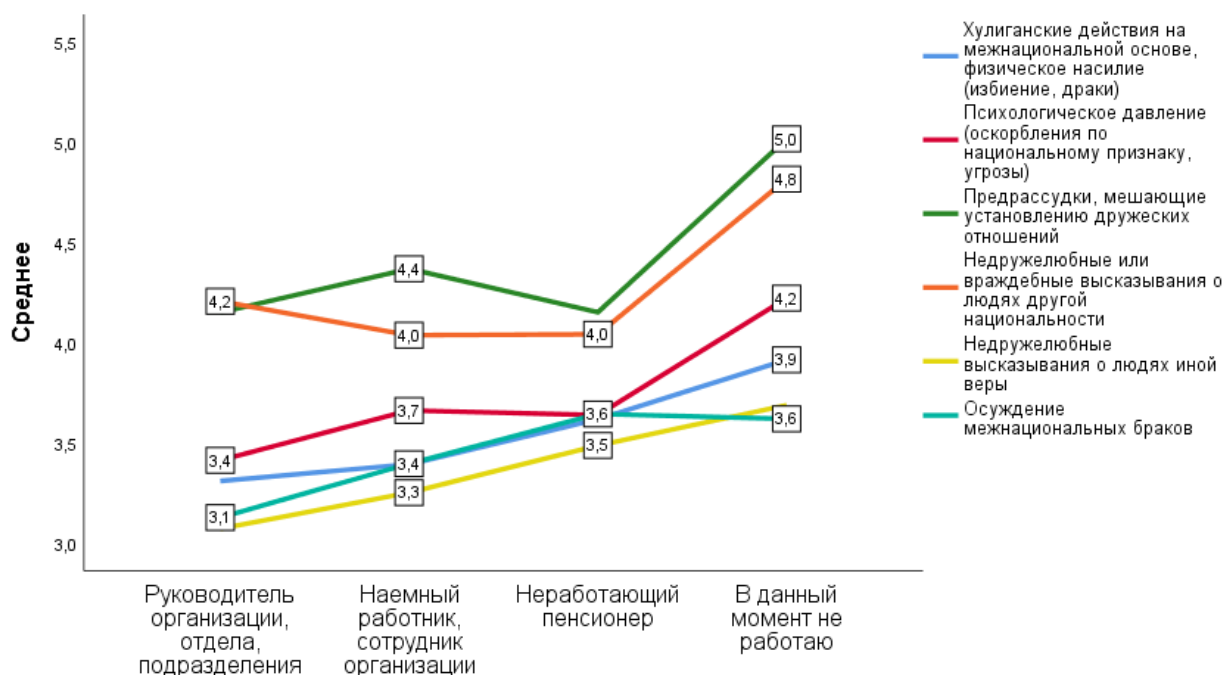

Рисунок 10 – Различия в средних значениях по шкалам негативных проявлений в зависимости от социально-профессионального статуса респондентов, средние значения.

Между тем, очевидно, наиболее значимыми факторами, определявшими оценку межнациональных отношений, являлись непосредственно связанные с идентификационными характеристиками, лежащими в основе категоризации и противопоставления этноконфессиональных групп.

Так, достоверные различия в оценках были выявлены между русскими респондентами и представителями иных национальностей, включая тех, кто имел смешанную с русской идентичность (поскольку провести сравнительный анализ из-за слабой наполненности категорий не представлялось возможным, все национальности были определены в одну общую группу). При этом более высокие оценки выраженности негативных проявлений были даны во второй группе, более сензитивной к проявлениям интолерантности, так как чаще всего именно представители нерусского меньшинства чаще всего становились объектами притеснений. Различия были значимыми по всем показателям, кроме этнических предвзятостей, оцениваемых идентично всеми национальностями, проживающими в регионе (рисунок 11), и имели максимальный разброс по показателям распространенности угроз и оскорблений по национальному признаку (разность долей соответствующих ответов составила 7,8%), недружелюбных или враждебных высказываниях о людях другой веры и национальности (8,0% и 8,7%) (рисунок 11).

В отличие от фактора этнической принадлежности, религиозность, измеряемая нами на основе вопроса о том, считают ли респонденты себя верующими или нет, задавала несколько иную модальность различий. По четырем из семи показателей с достоверными различиями – распространенности недружелюбных высказываний о людях другой национальности и веры, психологическому давлению, хулиганским действиям, более высокие оценки были получены в группе неверующих респондентов, тогда как верующие, напротив, давали более благосклонные оценки (рисунок 12).

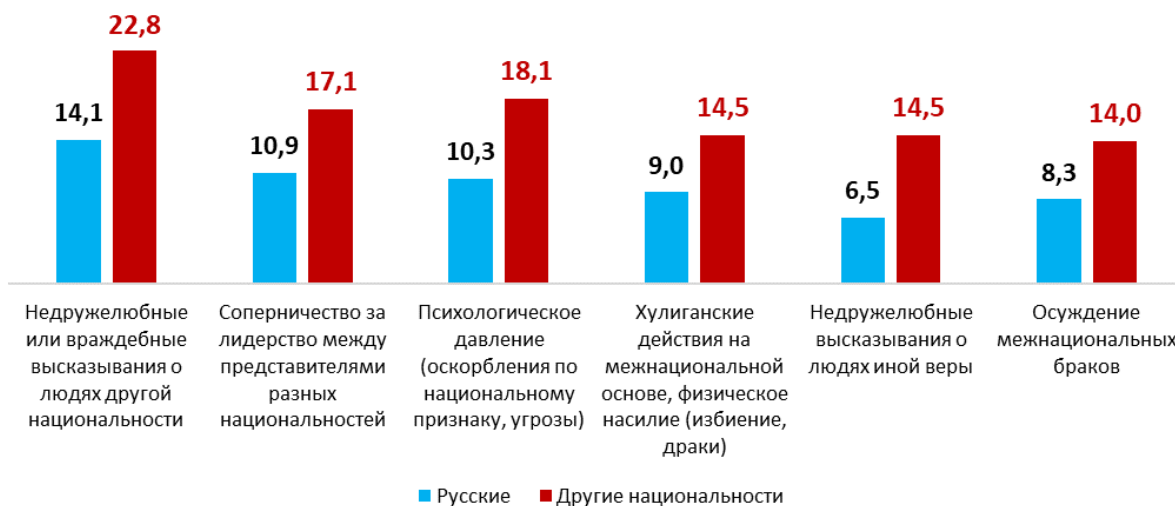

Рисунок 11 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений в зависимости от этнической принадлежности респондентов, %.

Рисунок 12 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений среди верующих и неверующих респондентов, %.

Сравнительный анализ оценок выраженности проявлений межэтнической напряженности в пятилетней ретроспективе показал, что некоторые из них отличаются устойчивостью, тогда как другие – чувствительно реагируют на малейшие изменения региональной этнической ситуации.

Так, относительно стабильный характер имели оценки по показателям, характеризующим наиболее опасные и ярко выраженные проявления межэтнической напряженности, в том числе на групповом уровне – соперничество за лидерство между представителями разных национальностей, психологическое давление, хулиганские действия: межгодовые изменения достигали не более 1,5-2%.

Латентные и обладающие накопительным эффектом проявления, имеющие более массовый характер и большее проникновение в сферу повседневных межличностных отношений, обладали большей вариабельностью. В частности, по показателю распространенности предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений минимально высокие оценки были зафиксированы в 2016 году (13,9%), тогда как максимальные – в 2019 году (19,1%). По показателям распространенности вербальной этнически и религиозно мотивированной агрессии также лидировал 2019 год (25,6% и 15,9%), тогда как относительно более спокойными являлись 2018 и 2016 годы. Осуждение

межнациональных браков достигало своеобразных пиков в 2015 (13,3%), 2017 (14,1%) и 2016 (11,6%) годах, тогда как в 2016, 2018 и 2020 годы происходило значимое снижение и в 2020 году наблюдалась минимальная выраженность не только по этому, но и по всем показателям данной группы. Таким образом, несмотря на периодические всплески интолерантности и трудности регулирования, по всем проявлениям межэтнической напряженности в регионе удалось добиться ощутимого снижения (рисунки 13 и 14).

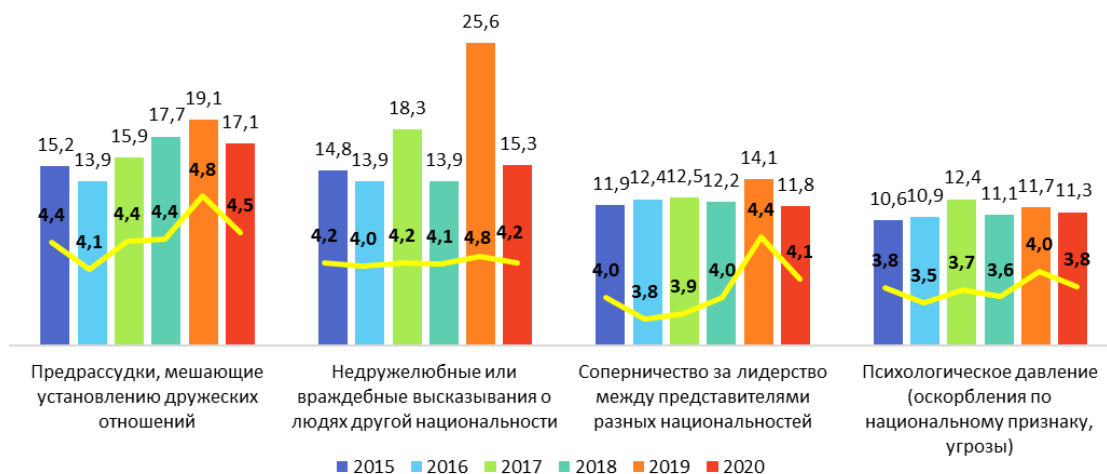

Рисунок 13 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений среди верующих и неверующих респондентов, %.

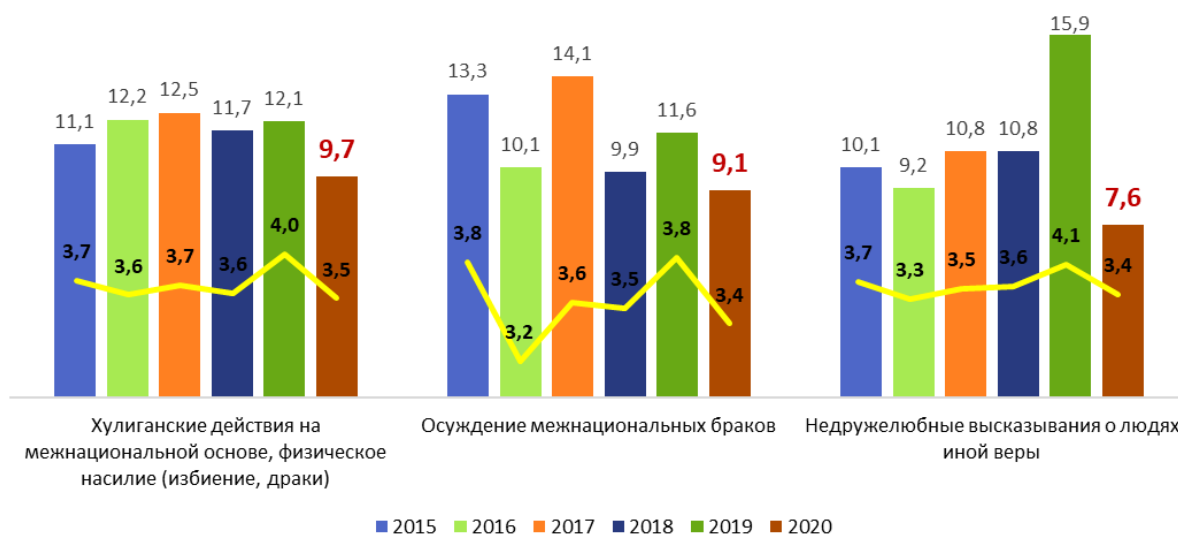

Рисунок 14 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений среди верующих и неверующих респондентов, %.

Институциональные условия реализации государственной национальной политики в оценках населения

В ходе проведенных социологических опросов жители регионов оценивали качество исполнения региональными органами власти функций по обеспечению контроля за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики, поддержки развития культуры и традиций представителей разных национальностей, поддержки национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций, результаты сотрудничества между государством, этническими диаспорами и национальными меньшинствами при принятии значимых решений, эффективность

разрешения возникающих конфликтов в сфере межэтнических отношений, обеспечения прав равенства всех граждан защиты интересов всех граждан независимо от национальности и вероисповедания. В качестве обобщающего был использован показатель оценки эффективности созданной в регионе системы управления реализацией государственной национальной политики.

Согласно результатам исследования, практически по всем шкалам анализа были получены сходные оценки, среди ответов была велика доля оценок «среднего диапазона» (35–48%), что свидетельствовало об отсутствии четкой позиции и слабой осведомленности населения по данным вопросам.

Между тем, можно выделить ряд направлений, которые, по мнению населения, власть осуществляла наиболее успешно. Это четыре позиции:

- бескомпромиссное отстаивание интересов представителей всех национальностей (29% высоких оценок, 37% средних и 35% низких);

- поддержка коренных малочисленных народов (29% высоких оценок, 35% средних и 36% низких);

- оказание помощи национально-культурным общественным организациям (28% высоких оценок, 41% средних и 31% низких);

- развитие культуры и традиций разных национальностей (26% высоких оценок, 43% средних и 31% низких).

Показателями, получившими максимальные доли негативных оценок при практически идентичных средних оценках, являлись:

- «диалог государства и диаспор ведется эффективно и публично» – 40% низких оценок, 37% - средних и 23% высоких;

- «поддержка конфессий и религиозных организаций» (39% низких оценок, 40% средних и 21% высоких)

- «контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики» (39% низких оценок, 41% средних и 21% высоких).

Близкие оценки были получены по показателю эффективности разрешения администрацией региона возникающих конфликтов в сфере межэтнических отношений (38% низких оценок, 38% средних оценок и 24% высоких). Система управления межнациональными отношениями в регионе также была оценена жителями противоречиво: 37% жителей считали ее низкоэффективной, 38% - оценили как среднеэффективную и 24% - поставили максимальные оценки (рисунок 15). Судя по распределениям оценок можно заключить, что население не обладало достаточной информацией о результатах реализации национальной политики и предпочитало давать ничего не значащие, нейтральные ответы, а те, кто давал определенный ответ – чаще склонялись к отрицательной оценке, проецируя на неё свою неудовлетворенность другими аспектами общественной жизни, прежде всего экономическими и социальными. Среди различных направлений реализации государственной национальной политики население выше оценивало конкретные действия – проекты поддержки коренных национальностей, их культуры и религии, традиций и обычаев, в том числе в рамках деятельности этнически ориентированных некоммерческих организаций, в то время как публичные взаимодействия между национальностями, диаспоральными группами, учет национального компонента в правовой сфере, а также контроль за исполнением законодательства оценивались как неэффективные.

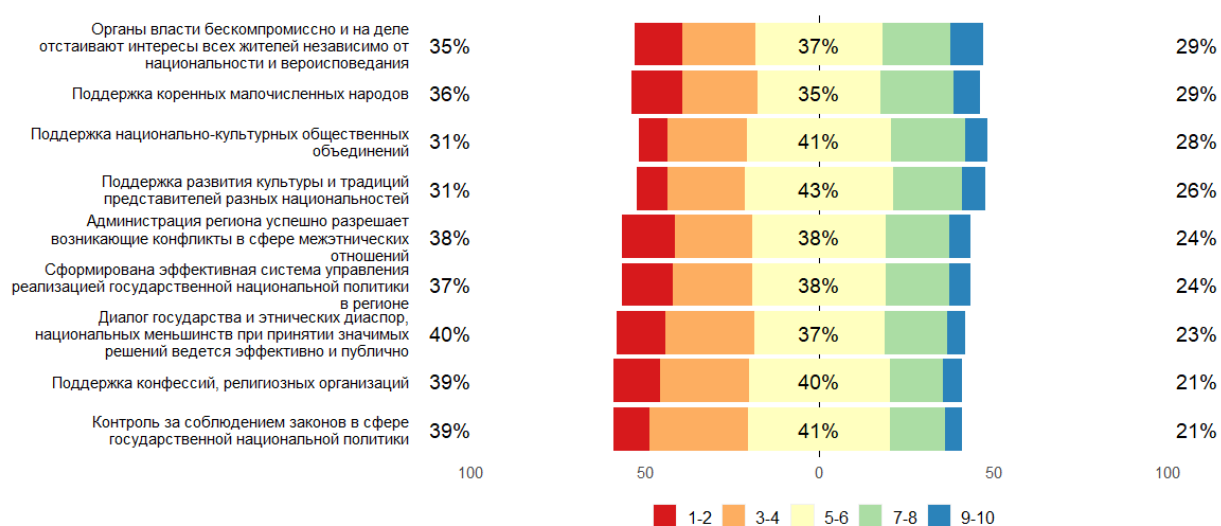

Рисунок 15 – Оценки реализации основных направлений государственной национальной политики в Алтайском крае в 2022 году, %.

В отличие от межнациональных отношений, национальная политика оценивалась жителями региона более согласовано, различия пролегли по меньшему количеству оснований. В большинстве случаев они носили точечный характер и касались какого-то одного или нескольких направлений, которые оценивались по-разному представителями различных слоев и групп регионального сообщества.

Так, действия региональной власти по реализации государственной национальной политики оценивались в значительной степени синхронно и непротиворечиво представителями различных поколений и гендерных групп.

Наиболее многочисленные различия были выявлены в оценках жителей городских и сельских поселений. Различия были значимыми по всем показателям, кроме двух – отстаивания интересов всех жителей независимо от национальности и успешности разрешения администрацией региона межэтнических конфликтов, которые оценивались сходным образом.

Так, городские жители более высоко оценивали уровень оказываемой в регионе поддержки развития этнических культур и традиций (28,3% высоких оценок, средний балл – 5,5, среди сельских жителей – 21,7% и 5,0 балла), качество контроля за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики (22,5% высоких оценок, среднее значение – 5,1 балла, тогда как в селе 16,2% и 4,6 балла). Эффективность функционирования системы управления государственной национальной политикой была также более очевидна для городских жителей, большая часть из которых являлись жителями региональной столицы (доля высоких оценок составила 25,6%, средний балл – 5,1, в сельских поселениях – 20,8% и 4,8 балла) (рисунок 16). Дополнительно, на основе анализа средних значений были выявлены значимые различия в оценках поддержки национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций, коренных малочисленных народов, а также эффективности и публичности диалога между государством и этническими диаспорами, этническими меньшинствами при принятии значимых решений (t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$), их направленность была прежней – большие значения в городе и меньшие в селе. Однако слабая величина эффекта (различия в средних) в отсутствии других доказательств не позволили сделать вывод о том, что разногласия в оценках были действительно существенными.

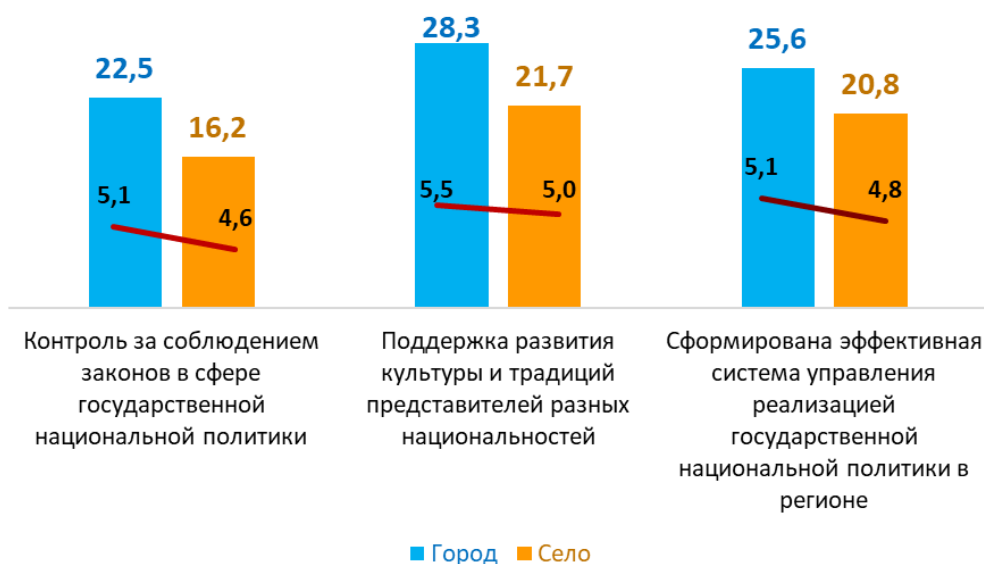

Рисунок 16 – Различия долей высоких оценок и средних баллов некоторых показателей эффективности реализации государственной национальной политики в зависимости от места проживания респондента.

Интеллектуальная элита региона, представленная жителями, имеющими одно или несколько высших образований, ученые степени и т. д., выражала скептическое отношение к тому, насколько бескомпромиссно власти региона отстаивают интересы жителей независимо от их национальности и вероисповедания: только 24,8% респондентов данной группы дали высокие оценки по соответствующему показателю, тогда как среди не имеющих высшего образования такое мнение разделяли более трети (31,1%) респондентов.

Финансовое благополучие являлось значимым фактором, определяющим характер оценки в отношении поддержки, оказываемой различными конфессиям и религиозным организациям: наиболее высокие оценки по данному направлению давали респонденты либо с низкими (22,3%) либо, особенно, с высокими (25,3%) доходами, тогда как респонденты, оценивающие свои доходы на среднем уровне гораздо реже давали высокую оценку (18,4%). Такие различия объяснялись прежде всего религиозными практиками, осуществляемые жителями с разным уровнем дохода. Согласно полученным данным, чаще всего посещали церковь респонденты, имеющие низкие или, напротив, высокие доходы – по крайней мере не реже раза в месяц туда ходили 12,8% имеющих финансовые проблемы и 6,9% обеспеченных граждан, тогда как те, кто имели средний доход гораздо реже посещали религиозные учреждения (4,9%). Различались и доли тех, кто вообще не ходит в церковь: среди респондентов со средними доходами таких оказалось 38,4%, тогда как среди богатых респондентов – 29,4%, среди бедных – 34,6%. Таким образом, реальное участие в деятельности религиозных учреждений, осуществление религиозных обрядов, взаимодействие с церковнослужителями создавало значимый информационный фон, способствующий более высокой оценке получаемой ими поддержки от государства.

В отличие от фактора дохода, воздействие социально-профессионального статуса проявилось только в отношении одного направления – поддержки коренных малочисленных народов. При этом основное противостояние в оценке наблюдалось между респондентами, занимающими руководящие должности – руководитель организации, отдела, подразделения – то есть лицами, имеющими более высокий уровень образования (76,4% с высшим образованием) и высокими доходами (47,2% отнесли себя к категории обеспеченных и богатых), которые давали в среднем более низкую оценку по данным направлениям (среднее значение составило 4,99 балла) и неработающими пенсионерами, считающими, что поддержка коренных народов осуществляется на более высоком уровне (среднее значение 5,58 балла).

Исследование показало, что фактор религиозности в оценке национальной политики оказался более значимым, чем фактор национальной принадлежности, при этом направленность различий свидетельствовала о большей неудовлетворенности верующих респондентов результатами реализации по некоторым направлениям. Так, верующие респонденты более низко оценивали качество контроля за соблюдением национального законодательства (18,2% высоких оценок по сравнению с 23,6% в группе неверующих) и реже оказывались неудовлетворены поддержкой национально-культурных общественных объединений (25,1% высоких оценок по сравнению с 32,4% в группе неверующих). Только каждый пятый верующий считал, что диалог между государством и этническими диаспорами ведется эффективно и публично, тогда как среди неверующих граждан доля подобных ответов составила 26,5% (рисунок 17). Учитывая, что большинство респондентов в нашей выборке являлись верующими (67,8% от всех ответивших на соответствующий вопрос анкеты), такая неудовлетворенность верующими в отношении результатов реализации национальной политики заслуживает внимания со стороны лиц, принимающих решения в данной области и последующего более глубокого изучения.

Между тем, хотя в группах русских и нерусских респондентов доли верующих были практически идентичными (67,4% и 69,9%), представители национальных меньшинств в регионе давали все-же более высокую оценку по показателю поддержки национально-культурных общественных объединений (37,3%) по сравнению с русским большинством (25,9%), что естественным образом было связано как качественно-количественными характеристиками таких объединений, их ориентацией на защиту национальностей, чья культура и традиции находятся под угрозой вытеснения доминирующей русской культурой. Таким образом, выявленные социо-структурные различия в оценках населения определялись как степенью вовлеченности граждан в реализацию конкретных направлений и возможностями напрямую оценить их воздействие, так и общими факторами, определяющими критичность оценки социальной политики в целом, а не только этносоциальной политики как ее отдельной и довольно специфической разновидности.

Рисунок 17 – Различия в оценке некоторых направлений реализации государственной национальной политики в зависимости от уровня религиозности респондентов, %.

Принципиально важным представляется оценить, как изменялись оценки населения в отношении эффективности реализации направлений государственной национальной политики и в целом функционирования системы управления межнациональными отношениями в регионе. Данные, полученные за пятилетний период, показывают, что

население чутко реагировало на малейшие изменения, как в этносоциальных процессах, так и более широком социально-экономическом и политическом контексте.

По всем девяти показателям, кроме контроля за соблюдением законодательства, 2017 и отчасти 2018 год стали переломными моментами, в которые наблюдались наиболее пессимистические оценки населения, после которых ситуация начала оптимизироваться. Безусловно, значимым фактором для изменения тренда стало принятие в 2017 году первой государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае», в рамках которой получили свое упорядочение и развитие основные направления, заложенные в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Между тем, заслуживают описания и другие изменения, зафиксированные общественным мнением в различные годы. В частности, в отношении контроля за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики минимальное количество высоких оценок было получено в 2019 году (16,3%), тогда как наиболее успешным являлся 2016 год, когда более пятой части респондентов (21,1%) поставили по данному направлению максимальные оценки. Поддержка развития культуры и традиций различных национальностей оценивалась максимально высоко в 2016 году (28,6% высоких оценок), тогда как 2017 год стал «провальным» (22,5%). Тесно связанная с предыдущим направлением и конкретизированная в нем деятельность национально-культурных общественных объединений лучше поддерживалась государством, по мнению населения, в 2016 и 2020 годах (27,5% высоких оценок), тогда как 2017 год являлся кризисным.

В отношении конфессий и религиозных организаций наиболее успешным являлся 2018 год, когда почти каждый четвертый опрошенный житель (24,3%) благосклонно оценивал уровень оказываемой им поддержки, а наиболее неудачным также стал 2017 год. Показатель оценки поддержки, оказываемой коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока был введен в 2017 году, что напрямую было связано с принятием государственной программы и необходимостью отслеживания изменений по данному направлению. За прошедшие четыре года только в 2017 году по данному показателю были получены относительно скромные оценки (20,1%), тогда как в последующие три года доля высоких оценок существенно выросла (прирост составил более чем 8 пп.) и колебалась в пределах 28,2-30,6%.

Оценки жителей региона эффективности и публичности диалога властей с диаспорами и национально-культурными объединениями напоминали «качели»: начиная с 2015 года, когда был своеобразный пик отношения населения (21,7%) происходило падение, вплоть до 2017 года, когда был достигнут пятилетний минимум (16,6% положительных оценок), после 2017 года начинается поступательный рост и оценки 2020 года демонстрируют наибольшие достижения в деле выстраивания конструктивных государственно-общественных отношений в межнациональной сфере (22,8%). Безусловно, что это далеко не предел и среди других показателей коммуникация государства и общество выглядит даже скорее безуспешной, о чем свидетельствуют 40% низких оценок, но завоевания последних лет позволяют надеяться не только на стабилизацию, но и на позитивное развитие ситуации.

Разрешение конфликтных ситуаций в пятилетний период имело наименьшую эффективность в 2018 году, когда только 18,8% опрошенных смогли дать максимальные оценки по соответствующему показателю, тогда как наилучшие результаты были достигнуты в 2020 году – почти каждый четвертый житель региона (24%) выразил уверенность, что новые власти способны решать возникающие конфликты, в том числе имеющие этническую специфику, достаточно эффективно.

Ситуацию с оценкой независимости, неангажированности органов власти, их усилий по защите интересов всех жителей региона, независимо от их национальной принадлежности принципиально рассматривать с учетом того, что данный показатель

традиционно оценивался жителями Алтайского края довольно высоко - за прошедшие пять лет доля высоких оценок ни разу не снижалась ниже 20%. Тем не менее, максимальных успехов, по мнению населения, власти достигли в 2016 году, когда 34,0% опрошенных дали максимально высокие оценки, тогда как снижение эффективности защиты интересов наблюдалось в 2018 году (23,2%), чему, конечно, способствовала смена власти в регионе и временный период «безвластия», когда жители не могли адекватно дать оценку тому, кто и насколько бескомпромиссно отстаивает их интересы. В целом, если оценивать функционирование системы управления реализацией государственной национальной политики за прошедшие пять лет, то можно отметить, что наименее удачными годами для нее стали 2017 и 2018 годы (17,9% и 18,5% высоких оценок населения), тогда как наиболее удачным, несмотря на кризис, стал 2020 год, когда количество граждан, высоко оценивающих ее эффективность, достигло максимума и составило 24% (рисунки 18 – 19).

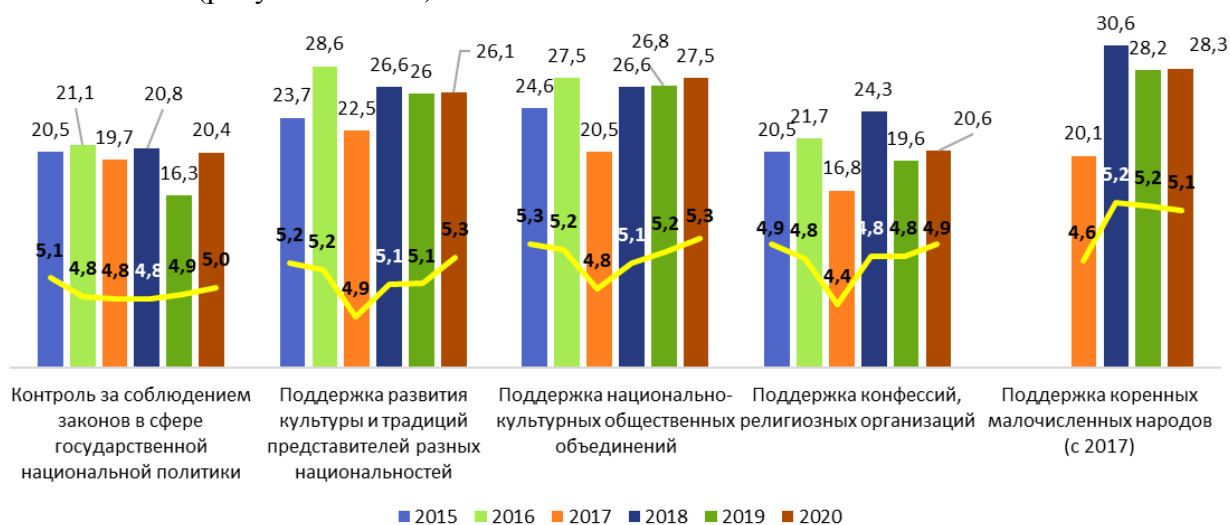

Рисунок 18 – Динамика высоких оценок и среднего балла по некоторым направлениям реализации государственной национальной политики (первая часть).

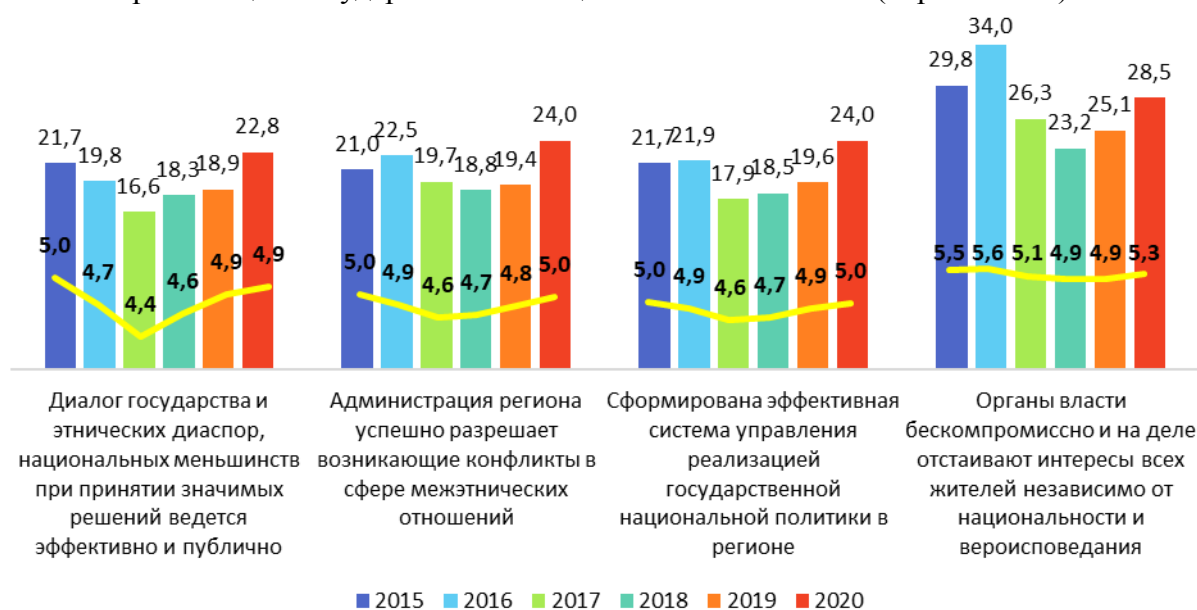

Рисунок 19 – Динамика высоких оценок и среднего балла по некоторым направлениям реализации государственной национальной политики (вторая часть).

Восприятие этносоциальных процессов с позиций территориальных и этноконфессиональных идентичностей

Современная российская государственная национальная политика ставит в число своих важнейших приоритетов укрепление народного единства, формирование сильного гражданского самосознания на основе общероссийской (наднациональной) идентичности и, одновременно с этим, сохранение самобытности народов России, языкового и культурного многообразия, что отражено в основополагающих документах и, по сути, представляет собой разнонаправленные объединительные и различительные векторы развития межнациональных отношений, требующие большого искусства для обеспечения их баланса и конструктивного развития. Очевидно, что перекосяк как в одну, так и в другую сторону способен привести к весьма печальным последствиям для российской нации, что обуславливает необходимость в глубокой оценке обеих составляющих.

Учитывая чрезвычайно важное значение, которое в контексте реализации национальной политики придается проблематике идентичностей, их многообразию, взаимосвязи и взаимообусловленности, в рамках социологического мониторинга межнациональных отношений этой теме отведена отдельная часть. Основываясь на теоретических позициях, что в оценке межнациональных отношений важно учитывать не только формальные характеристики идентичности, ассоциации, ощущение принадлежности индивида к тем или иным социальным группам, но и их выраженность, интенсивность, наполненность определенными чувствами, мотивацию к использованию идентичности в качестве инструмента удовлетворения потребностей, а также направленность, модальность идентичности, ее способность принимать позитивные, нейтральные и негативные формы [2, 3] мы ставили перед собой задачи сопоставить оценки населения характеристик межнациональных отношений и результатов реализации национальной политики в зависимости от сформированности и степени развитости у них гражданских, территориальных, этнических и конфессиональных типов идентичностей. Указанные виды идентичностей образовывали определенный континуум, представленный уровнем локализации идентичности, где максимально широким объектом гражданских идентификаций выступала общность граждан России, а минимальным – общность жителей города и села, тогда как этноконфессиональные идентификации оценивались на основе оценок близости с общностями, представляющими всех членов определенной этнической группы или религиозного сообщества.

Наше исследование показало, что выраженность общероссийской гражданской, региональной и локальной идентичностей оказывало положительный эффект на восприятие межнациональных отношений, что проявлялось в более высоких оценках выраженности дружбы между представителями разных национальностей, осуждения национализма (региональная идентичность), уважения к представителям другой национальности, их обычаям, традициям и языку (российская и региональная идентичности), а также более низких оценках выраженности негативных явлений – этнических предрассудков, соперничества за лидерство между представителями разных национальностей, вербальных нападок на иноверцев (российская идентичность), недружелюбных или враждебных высказываний о людях другой национальности, хулиганских действий и физического насилия (российская и местная идентичности), психологического давления (российская и региональные идентичности) (таблица 1).

При этом, разные типы идентичностей имели разный вес и силу влияния. Общероссийская идентичность обладала более ярко выраженным стабилизирующим эффектом, позволяющим не заострять внимание на противоречиях, не случайно ее отсутствие ассоциировалось с представлением межнациональных отношений в негативном свете, что не подтверждалось объективными данными. Региональная идентичность, напротив, в большей степени сказывалась на восприятии положительных

моментов, указывающих на большую сплоченность представителей национальностей, проживающих в Алтайском крае, тогда как локальная идентичность «отвечала» за восприятие и оценку конкретных вербальных и поведенческих проявлений межэтнической напряженности.

Примечательно, что не только гражданские, но выраженные этническая и религиозная идентичности ассоциировались с положительной оценкой характера межнациональных отношений.

Таблица 1 – Различия в распределениях высоких оценок по показателям характеристик межнациональных отношений в группах респондентов с различной степенью выраженности российской, региональной и локальной идентичностей*

	Российская идентичность		Региональная Идентичность		Местная Идентичность	
	0	1	0	1	0	1
Дружба между представителями разных национальностей	41,1	46,1	28,0	47,2	35,7	46,5
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	28,8	40,6	25,8	41,1	32,1	40,5
Уважительное отношение к представителям другой национальности	31,5	37,5	22,6	38,4	28,6	37,8
Предубеждения, мешающих установлению дружеских отношений	30,1	16,4	19,4	17,2	20,2	17,2
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности	30,1	14,5	21,5	14,9	25,0	14,6
Соперничество за лидерство между представителями разных национальностей	21,9	11,1	16,1	11,5	16,7	11,4
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	35,6	22,5	19,4	23,4	22,6	23,2
Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)	23,3	10,7	19,4	10,8	17,9	10,9
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)	19,2	9,2	15,1	9,3	16,7	9,3
Недружелюбные высказывания о людях иной веры	20,5	6,7	9,7	7,3	9,5	7,5

* 0 означает отсутствие близкой связи респондента с идентифицируемой общностью, 1 указывает на наличие близкой связи.

Выраженная этническая идентичность способствовала восприятию межэтнических отношений как более дружественных, а негативных проявлений, таких как психологическое давление и угрозы, недружелюбные высказывания о представителях других национальностей – как эпизодических, реже встречающихся, не оказывающих системного эффекта на состояние межэтнической сферы региона (таблица 2). Эффект религиозной идентичности проявился во внимании к уважительному отношению к культуре, традициям и языку других национальностей, и, что немаловажно, позитивной оценке межконфессиональных взаимодействий, которые значительно реже оценивались как антагонистические. Единственный показатель, по которому оценки имели противоположное значение, был «осуждение проявлений национализма», выраженность которого оценивалась значительно выше среди лиц со слабой религиозной идентичностью (24,9% по сравнению с 19,5% в противоположной группе). Таким образом, этноконфессиональная идентичность, наряду с гражданскими вариантами, согласно нашим данным, оказывали исключительно положительный эффект на оценки респондентов, а не являлись проявлением протестной этнической мобилизации, характерной для ситуации межэтнического противостояния. Более того, как показали наши данные, сильная гражданская идентификация не только не исключала, но, напротив, предполагала наличие и сильной этнической и религиозной составляющих, что оказывало дополнительный, кумулятивный эффект не только на восприятие межнациональных отношений, но и на собственное поведение респондента. Среди имеющих сильную общероссийскую идентичность (по данным за 2020 год) 93,1% имели также выраженную

этническую идентичность и 77,1% - выраженную религиозную (среди лиц со слабой общероссийской идентичностью соответствующие доли составили только 41,1% и 43,1%), результаты сопоставления региональной и местной идентичности с этнической и религиозной были практически идентичными.

Таблица 2 – Различия в распределениях высоких оценок по показателям характеристик межнациональных отношений в группах респондентов с различной степенью выраженности этнической и религиозной идентичностей*

	Этническая идентичность		Религиозная идентичность	
	0	1	0	1
Дружба между представителями разных национальностей	36,8	47,2	41,8	47,5
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	35,3	40,7	34,8	41,8
Уважительное отношение к представителям другой национальности	33,1	37,8	35,1	37,8
Осуждение проявлений национализма	24,1	20,7	24,9	19,5
Предубеждения, мешающих установлению дружеских отношений	21,8	16,7	19,3	16,7
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности	22,6	14,6	17,3	14,7
Соперничество за лидерство между представителями разных национальностей	10,5	11,9	13,5	11,2
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	27,8	22,8	26	22,1
Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)	17,3	10,7	15,5	10
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)	13,5	8,9	14,3	8,1
Недружелюбные высказывания о людях иной веры	9	7,3	10,5	6,5

* 0 означает отсутствие близкой связи респондента с идентифицируемой общностью, 1 указывает на наличие близкой связи.

Прогнозная модель взаимосвязи и взаимообусловленности характеристик межнациональных отношений и результатов реализации государственной национальной политики

На последнем этапе анализа мы обобщили все полученные результаты и попытались представить их в виде модели, описывающей наличие эффекта от реализации государственной национальной политики и его направленность на различные явления, происходящие в межнациональной сфере, согласно оценкам жителей региона.

Предварительный эксплораторный факторный анализ подтвердил, что оцениваемые индикаторы хорошо укладывались в обобщающие интегральные показатели. Было выделено три основных фактора, общая информативность которых составила более 60%, что было достаточно для достаточно большого количества показателей, описывающих столько разнообразные проявления межэтнических взаимодействий.

Первый фактор описывал показатели деятельности органов власти по реализации отдельных направлений национальной политики, при этом его содержание наиболее полно раскрывалось через три из них: «Диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично» ($\lambda = 0,80$), «Поддержка деятельности национально-культурных общественных объединений» ($\lambda = 0,80$), «Поддержка конфессий, религиозных организаций» ($\lambda = 0,81$), «Администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений» ($\lambda = 0,83$), «Сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе» ($\lambda = 0,85$) (таблица 3).

Второй фактор описывал негативные проявления, среди которых наибольшее значение имели наиболее радикальные формы: «Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)» ($\lambda = 0,80$), «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)» ($\lambda = 0,79$), близко к которым располагались нагрузки и недоброжелательных высказываний к представителям другой национальности ($\lambda = 0,79$) и веры ($\lambda = 0,77$). Примечательно, что показатель осуждения национализма также вошел во второй фактор, что противоречило его содержанию и свидетельствовало о противоречиях в оценках жителей региона.

Третий фактор описывал положительные тенденции с главным акцентом на дружеские отношения и уважение к традициям и национальной культуре этнических групп ($\lambda = 0,74-0,81$). Важно отметить, что показатель справедливости распределения различных благ и должностей для различных национальностей практически с равными нагрузками ($\lambda = 0,39$ и $\lambda = 0,40$) входил в оба фактора – положительных тенденций и национальной политики, то есть в сознании респондентов ассоциировался как с деятельностью органов власти, так и с ее результатами. Несмотря на важность полученной информации, такая двойственность и противоречивость оценок по двум переменным – справедливости распределения и осуждения национализма, не вполне соответствовала задачам выделения четко различающихся факторов и изучения их взаимосвязи, поэтому из последующего анализа эти переменные пришлось удалить. Проверка шкал на внутреннюю согласованность показала ее высокие значения по всем трем факторам ($\alpha_{\text{Кронбаха}} > 0,8$) напряженности и фактору гармоничных межнациональных отношений.

Таблица 3 – Результаты компонентного анализа. Метод главных компонент с вращением варимакс.

Код		Факторы		
		1	2	3
x1	Дружба между представителями разных национальностей			0,79
x2	Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей			0,81
x3	Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности			0,77
x4	Предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений		0,68	
x5	Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности		0,79	
x6	Соперничество за лидерство между представителями разных национальностей		0,71	
x7	Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	0,39		0,40
x8	Уважительное отношение к представителям другой национальности			0,74
x9	Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)		0,80	
x10	Осуждение проявлений национализма		0,54	
x11	Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)		0,79	
x12	Осуждение межнациональных браков		0,68	
x13	Недружелюбные высказывания о людях иной веры		0,77	
x14	Контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики	0,74		

x15	Поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей	0,76		
x16	Поддержка национально-культурных общественных объединений	0,80		
x17	Поддержка конфессий, религиозных организаций	0,81		
x18	Поддержка коренных малочисленных народов	0,77		
x19	Диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично	0,80		
x20	Администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений	0,83		
x21	Сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе	0,85		
x22	Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания	0,72		

Далее мы прибегли к моделированию структурными уравнениями для проверки валидности нашей модели измерения и установления структурных зависимостей между фактором национальной политики и его влияния на оценки негативных и позитивных характеристик межнациональных отношений.

Его результаты показали, что реализуемая в регионе национальная политика в большей степени направлена на обеспечение гармонизации межнациональных отношений: в регрессионном уравнении, где зависимой переменной выступает фактор положительных проявлений, а независимой – фактор национальной политики, коэффициент имеет большую статистическую значимость и вес ($\beta = 0,58$, $p < 0,01$). Наличие достаточно сильной положительной ассоциации свидетельствовало о несомненной важности проводимых мероприятий и об их эффективности, что нашло отражение в оценках населения.

Одновременно с этим, региональная политика, как ни странно, значимо и позитивно, хотя по вкладу совсем слабо, была взаимосвязана и с негативными проявлениями ($\beta = 0,13$, $p < 0,01$). Данную взаимосвязь можно объяснить прежде всего спецификой измеряемых показателей, которые, действительно, в большей степени касались развития положительных межэтнических отношений путем поддержки и развития деятельности, осуществляемой национально-культурными организациями, обеспечения соблюдения законодательства и других условий, необходимых для гармоничных межэтнических взаимодействий и удовлетворения этнокультурных потребностей, чем противодействия действиям противоправного характера.

Кроме этого, моделирование показало наличие достоверной отрицательной взаимосвязи между положительными и отрицательными характеристиками межнациональных отношений ($r = -0,35$, $p < 0,05$), уравновешивающих и нейтрализующих друг друга, что свидетельствовало не только о необходимости борьбы с проявлениями ксенофобии, этнически мотивированной агрессии и насилия, но и культивирования межэтнического взаимоуважения и толерантности как основного ресурса межэтнического согласия в регионе. Таким образом, мы увидели, что процессы, происходящие в межэтнической сфере тесно связаны между собой и представляют констелляцию взаимообусловленных величин. Гармонизация межэтнических отношений, безусловно, имеет естественные ресурсы, прежде всего заключающиеся в исторически сложившемся многовековом опыте принятия полиэтничности как естественной и неотъемлемой характеристики социума, отсутствии предпосылок для раздора. Между тем, как

свидетельствуют результаты нашего исследования, без целенаправленных усилий по поддержанию позитивных межэтнических отношений их гармонизация находится под большой угрозой, попустительство в деле национальной политики, даже в благополучном регионе, где большинство населения принадлежат к одной, причем, доминирующей национальности, недопустимо (рисунок 20).

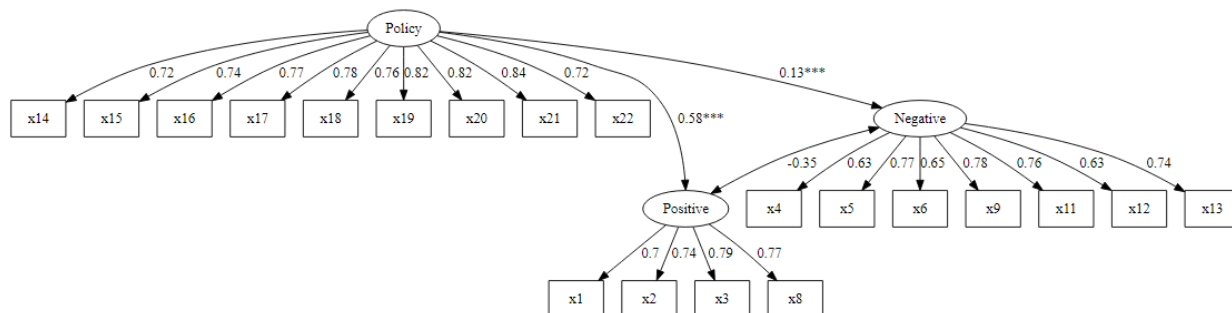

Рисунок 20 – Структурная модель взаимосвязей между факторами оценок межнациональных отношений и оценки результатов национальной политики ($\chi^2 = 1228.68$, $p = 0,0005$, CFI = 0,936, TLI = 0,925, RMSEA = 0,069, SRMR = 0,045

Обобщая специфику межрелигиозных и межнациональных отношений в приграничном регионе России (Алтайском крае), зафиксируем основные тенденции:

1. Межнациональные отношения и регулирующая их национальная политика представляют собой динамично развивающиеся социальные структуры с многофакторной детерминацией, определяемой не только особенностями этнической и конфессиональной структур населения, но и факторами социально-экономического порядка, задающими вектор регионального развития. Проведенный в Алтайском крае в 2022 году анализ межнациональных отношений показал, что по оценкам населения, они имеют отчетливо положительный характер и ориентированы на взаимопомощь, дружбу и взаимоуважение между различными национальностями, внимание к этническим культурам, традициям и языку.

2. Между тем, несмотря на благоприятную обстановку, жители региона отмечают распространенность латентных проявлений межэтнической напряженности – этнических предрассудков, недружелюбных высказываний о представителях других национальностей и вероисповеданий, недостаточно активно в регионе осуждаются проявления национализма. Хотя радикальные проявления в виде этнически мотивированного насилия и психологического давления маловероятны и носят локальный характер, наличие незначительных долей высоких оценок (около 9-10%) не позволяет сделать вывод о том, что в регионе полностью решены межнациональные противоречия. Среди них особенно выделяется проблема несправедливого распределения благ и должностей, усугубляемые социально-экономическими проблемами, проецируемыми жителями на межэтнические отношения. Неравенство доступа к ресурсам и попустительское отношение к лицам, подрывающим основы мирного взаимодействия между национальностями, являются значимыми уязвимыми местами в отношении населения, заслуживающими внимание со стороны субъектов национальной политики. Выявленные различия в оценках респондентов, принадлежащих к различным социальным группам и категориям, также указывают на внутрорегиональную неоднородность межэтнических

отношений в различных зонах социального пространства, дифференцируемых по уровню социально-экономического благополучия, жизненного уклада и ценностей.

3. Наше исследование показало наличие нескольких проблемных зон, обладающих более высокими рисками межэтнической напряженности. Это прежде всего молодежная среда с более интенсивными межкультурными коммуникациями и повышенным порогом чувствительности к интолерантности и социальной несправедливости. Обладая в целом более прогрессивными взглядами на природу этничности и миграцию, молодежь испытывает тревогу относительно существующего в регионе потенциала конфликта. Городские пространства также являются в большей степени рискованными, чем сельские, что связано с большей плотностью межэтнических контактов при их одновременной мимолетности, интенсивной социальной динамикой и большей конкуренцией за рабочие места. В то же время, различия определяются не только поселенческими особенностями и характеристиками уклада жизни. В частности, результаты социологического мониторинга убедительно доказывают взаимосвязь между межэтнической напряженностью и социально-экономическим неблагополучием. Борьба за выживание в сложных экономических условиях усиливает существующие противоречия между национальностями. Значительный разрыв оценок возникает и в случае противопоставления различных этнических контекстов и идентификационных процессов. К сожалению, выраженные негативные проявления в межэтнических отношениях в большей степени отмечаются представителями нерусского меньшинства, которые значительно чаще русских становятся объектами притеснений.

4. Положительный эффект на восприятие межнациональных отношений оказывала ощущаемая респондентами близость к значимым социальным общностям – жителям России, региона, города и села. Этноконфессиональная идентичность, наряду с гражданскими вариантами, согласно нашим данным, также оказывала положительный эффект, и не ассоциировалась с протестной этнической мобилизацией, характерной для ситуации межэтнического противостояния. Кроме того, сильная гражданская идентификация не только не исключала, но, напротив, предполагала наличие и сильной этнической и религиозной составляющих, что оказывало дополнительный, кумулятивный эффект не только на восприятие межнациональных отношений, но и на собственное поведение респондента.

5. Результаты моделирования показали, что реализуемая в регионе национальная политика в большей степени направлена на обеспечение гармонизации межнациональных отношений, тогда как в отношении негативных проявлений эффекта практически нет, что во многом связано со спецификой оценки и включенными в инструментарий показателями. Одновременно с этим, наши результаты убедительно свидетельствуют о том, что происходящие в межэтнической сфере процессы тесно связаны друг с другом, они имеют естественные ресурсы стабилизации, но без целенаправленных усилий по поддержанию позитивных межэтнических отношений их гармонизация находится под большой угрозой. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости продолжения системной работы, недопустимости снижения градуса государственного и общественного внимания к межнациональным вопросам, поддержке национально-культурных общественных объединений. Не меньшие усилия и средства рекомендуется уделять научным исследованиям, способным прояснить и предоставить

обоснованные доказательства для социальной инженерии, реализации проектных социальных технологий.

Библиографический список

1. Brown R., Capozza D. (ed.). Social identities: Motivational, emotional, cultural influences. – Psychology Press, 2016.
2. Hockey J. L., James A. Social Identities Across Life Course. – Macmillan International Higher Education, 2017.
3. Hogg M. A. Social identity theory // Understanding peace and conflict through social identity theory. – Springer, Cham, 2016. – С. 3-17.
4. Жаде З.А. Специфика проявления межэтнической напряженности в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – Вып. № 3 (124). – С. 194-200.
5. Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2020. – №1. URL: www.evestnik-mgou.ru.
6. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Этническая идентификация русских в моно- и полиэтнических регионах: анализ репертуарных решеток // Society and Security Insights. – 2020. – Т.3. – № 2. – С. 13-40.
7. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Этноконфессиональная напряженность в российском обществе: опыт эмпирической апробации методики измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 4 (152). – С. 130-152.
8. Черныш М. Ф. Факторы возникновения и воспроизводства межэтнической напряженности в теоретической перспективе // ПОЛИС. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 25-36.
9. Шахбанова М. М. Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // История, археология и этнография Кавказа. – 2017. – № 1 (49). – С. 154-167.
10. Шахова Е.В. Особенности проявления межэтнического взаимодействия в Алтайском крае (по результатам социологического исследования) // Социодинамика. – 2019. – №7. – С. 1-9.
11. Шахова Е.В., Максимова С.Г. Межэтническое взаимодействие и социальная интеграция населения как взаимосвязанные процессы (по результатам социологического исследования в Алтайском крае) // Социодинамика. – 2019. – №8. – С. 1-12.
12. Шергалиева М. Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник СГТУ. – 2014. – №1(76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-kak-vid-sotsialnoy-identichnosti> (дата обращения: 21.07.2020).

Сведения об авторах

Максимова Светлана Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, svet-maximova@yandex.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, noe@list.ru

Омельченко Дарья Алексеевна - кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры социальной и молодежной политики

Алтайского государственного университета, daria.omelchenko@mail.ru

***Maximova Svetlana Gennadyevna** - Doctor of Social Sciences, Professor,
Head of the Department of Social and Youth Policy Altai State University, svet-maximova@yandex.ru*

***Noyanzina Oksana Yevgenyevna** - Candidate of Social Sciences, Lead
Researcher Head of the Department of Social and Youth Policy Altai State
University, noe@list.ru*

***Omelchenko Daria Alekseevna** - Candidate of Social Sciences, Lead
Researcher Head of the Department of Social and Youth Policy Altai State
University, daria.omelchenko@mail.ru*